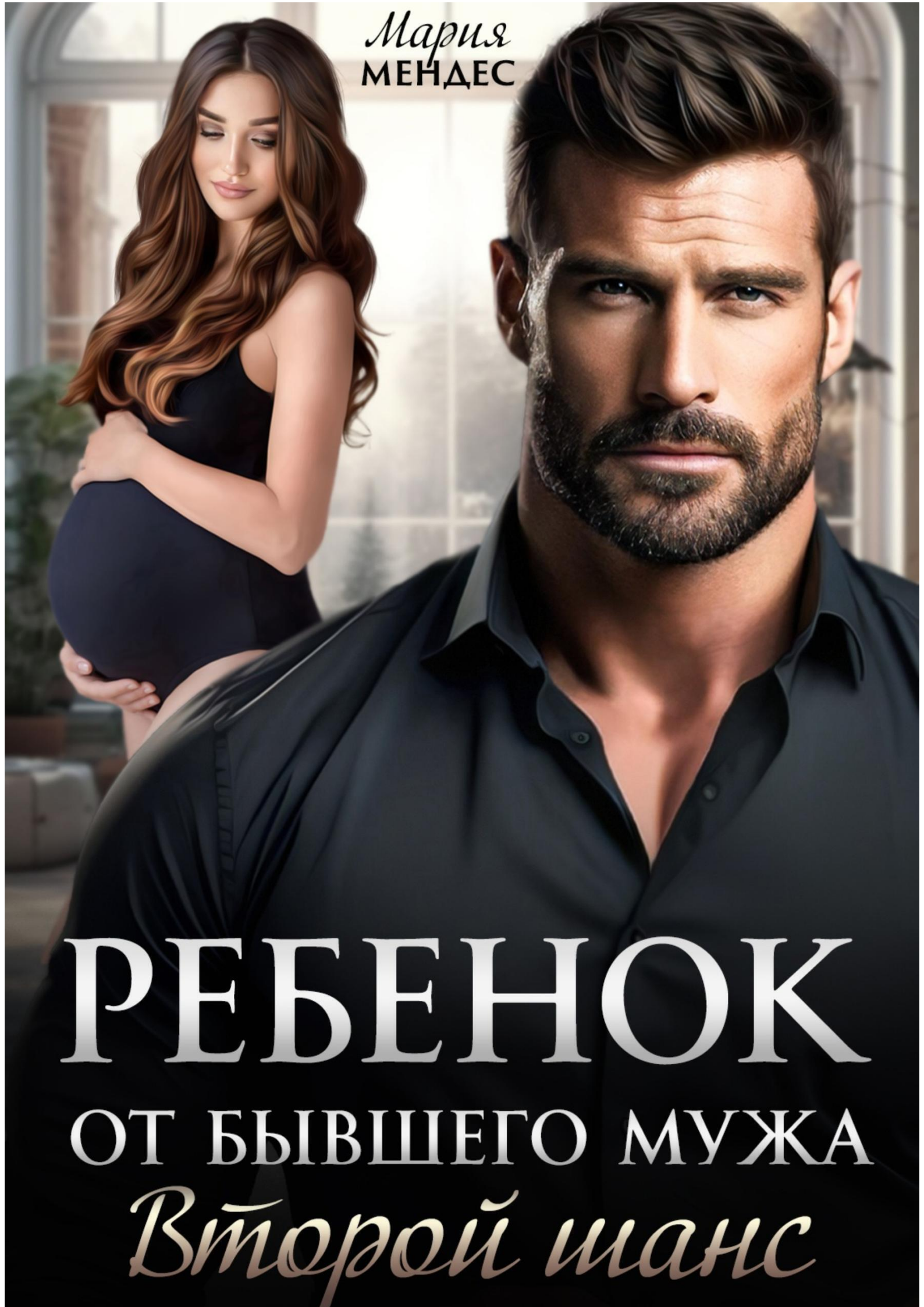

Мария
МЕНДЕС

РЕБЕНОК

ОТ БЫВШЕГО МУЖА

Второй шанс

Мария Мендес

**Ребёнок от бывшего
мужа. Второй шанс**

«Автор»

2024

Мендес М.

Ребёнок от бывшего мужа. Второй шанс / М. Мендес — «Автор»,
2024

- Ребёнок, которого ты носишь под сердцем — мой! Судорожно вдыхая воздух, я отступаю от бывшего мужа.- Это мой ребёнок, Дима. Только мой, - инстинктивно накрываю руками свой живот.- А врач репродуктолог говорит совершенно иное.- Она лжет! - пытаюсь уйти, но бывший хватает меня за локоть и тянет к себе.- Значит, ты не откажешься от ДНК-теста!

Из-за врачебной ошибки я оказалась беременной от своего бывшего мужа. Он узнал правду и теперь требует дать нам второй шанс. ВАЖНО! Текст книги будет отредактирован чуть позже!

© Мендес М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	10
Глава 4.	12
Глава 5.	14
Глава 6.	16
Глава 7.	18
Глава 8.	21
Глава 9.	24
Глава 10.	27
Глава 11.	29
Глава 12.	31
Глава 13.	33
Глава 14.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Мендес

Ребёнок от бывшего мужа. Второй шанс

Глава 1.

– Полина, а там разве не твой бывший стоит в компании какой-то блондинки?

В груди тут же неприятно колется после упоминания о моём бывшем муже. Не решаюсь обернуться, знаю, что подруга не могла ошибиться, она в отличие от меня его часто видит в последнее время. А вот я не видела его с момента, как мы развелись. Господи, десять лет в этом году уже будет. Поженились совсем молодыми, обоим было по двадцать лет. Первая любовь и все дела. Не послушали родителей, побежали и быстро расписались. А после двух лет проживания вместе развелись.

– Ладно, не пялься так на них, не хочу, чтобы он заметил меня. Пошли отсюда, хорошо?

Даже не оборачиваюсь в его сторону. Не смотрю, знаю, что снова будет больно. А я больше не хочу страдать из-за него.

– Ладно. – соглашается Ульяна, и мы уходим из здания репродуктивного центра.

Идём некоторое время молча до остановки, а после подруга всё же не выдерживает и начинает задавать вопросы.

– Тебе совсем ничего не интересно? Даже не взглянула на него. Говорят, он стал большим человеком, у него теперь свой бизнес и живут они теперь, как нам не снилось. Дима изменился сильно. Возмужал, взгляд таким острым стал, даже голос у него изменился, грубый, как и сам он. Пожалела я, когда в прошлый раз подошла и просто поздоровалась.

Я ничего не отвечаю, в горле ком собрался. Я думала, что залечила свои раны, думала, что разлюбила, ведь прошло столько лет. Но стоило только узнать, что он совсем рядом со мной, сразу старые раны дали о себе знать.

– Ладно, прости, наговорила лишнего, просто я не могу понять, что он делал в репродуктивной клинике, если у него всё так хорошо на личном фронте, – продолжает свой монолог Уля, и тут я резко останавливаюсь.

Глаза растерянно бегают по лицу подруги, а у самой рой мыслей уже в голове. Но не осмеливаюсь их озвучивать, конечно.

– Слушай, прошло очень много лет. Он живёт своей жизнью, я своей. Каждый счастлив по-своему. Я вот скоро стану мамой прекрасного малыша, он... наверное, тоже, раз пришел в клинику со своей девушкой... Возможно, даже женой. Я не знаю, да и не хочу знать.

Отвожу глаза, которые наливаются влагой, чтобы подруга не увидела, как мне больно.

– И всё равно я считаю, что судьба была несправедлива к вам. Вы были такой красивой парой, так любили друг друга, но она сыграла в злую шутку с вами обоими. Не дала возможность иметь общего ребёнка. Будь она не ладна эта чёртова несовместимость. И кто только её придумала.

– Ладно, не бурчи, пошли уже. Мне ещё на работу вернуться нужно, Олег Степанович отпустил меня только до обеда. Сказал, как вернусь, хочет поговорить со мной. Что-то мне его тон не понравился, надеюсь, обойдётся без всяких сюрпризов. Я не могу позволить себе сейчас потерять работу, мне главное дотянуть до декретных. А там уже можно выдохнуть.

– Поля, а может ну его на фиг эту работу? Может, больничный оформишь? Ты уже беременна, он по закону не имеет права тебя уволить.

– Думаешь я об этом не думала?

– Ну, так в чём проблема?

– Уля, ты наверное забыла? У меня отец больной, с сердцем проблемы. Давно не работает, а мать одна не вытягивает семью, Анька же поступила в этом году. Вот теперь приходится помогать им. Не могу я так просто взять больничный, понимаешь? Мне семье ещё нужно помогать.

Подруга вздыхает и понимающе кивает.

– Прости, забыла. Семья – это святое, надо помогать, конечно. Только я за тебя переживаю, ты неважно выглядишь в последнее время. Сильно бледная какая-то, да и мутит тебя всё время.

– Всё хорошо, это нормальное состояние для беременных в первый триместр. По крайней мере, мне мой врач так сказала.

Слышу звук подъезжающего транспорта и поворачиваю голову, в этот момент всё воспринимается, как будто в замедленном движении. Мимо проезжает машина Соколова, рядом с ним сидит шикарная блондинка, он вдруг поворачивает голову в сторону остановки, где я стою, и замечает меня, я его тоже успеваю немного рассмотреть. Сердце тут же в пятки уходит. Он проезжает несколько метров от места, где я стою, и резко тормозит. Я замираю, не веря, что это происходит на самом деле. Проходит секунда, две и ещё несколько, а потом машина снова трогается и едет дальше.

– Ого! Что это только что сейчас было? – удивляется подруга.

Меня немного начинает трясти, я тут же натягиваю ещё больше свою дурацкую шапку и нервно оглядываюсь в поисках этой чертовой маршрутки.

Подруга видит мою взвинченность, не лезет больше в душу, за что я ей безумно благодарна.

Чёрт, не так я себе представляла нашу встречу спустя столько лет, совсем не так. Но что было, то было, пора успокаиваться, мне нельзя волноваться.

Добравшись до работы, я быстро привожу себя в порядок и прихожу в кабинет к Олегу Степановичу.

– Можно?

– Да, проходи, Кузнецова.

Мой начальник встречает меня с хорошим настроением, и я тут же выдыхаю. Но замечаю некую странность: кабинет начальника почти пустой. Нету никаких документов на столе и стеллажах. Никаких личных вещей, ни цветов, которые ему жена с любовью принесла и даже ухаживала сама, приходя к мужу на работу раз в неделю.

– Что-то случилось? По телефону мне показалось, что у вас взволнованный голос, – начинаю задавать вопросы, оглядываясь вокруг.

– Случилось, Кузнецова, случилось! Мечта моя сбылась, я вместе с семьёй переезжаю в Чехию. Вот фирму продал пару недель назад.

– Как? – вдруг громко выпаливаю. – То есть, простите. Я вас поздравляю, но что же будет с нами?

– Не волнуйся, Полиночка, я оставил хорошие рекомендации о тебе. Новый владелец, если не дурак, не уволит тебя, а продолжит и дальше работать с тобой. Что касается остальных, правда, не знаю, я за них тоже просил, но решать уже новому владельцу. – Олег Степанович смотрит на наручные часы и продолжает говорить. – Он как раз должен подъехать с минуты на минуту.

Раздаётся стук в кабинет, мы с Олегом Степановичем одновременно поворачиваемся в сторону выхода. Не дожидаясь ответа, кто-то нагло открывает дверь и заходит... Дима. Мой муж... Бывший муж.

– А вот и новый владелец фирмы, Соколов Дмитрий Сергеевич.

В глазах начинает темнеть, и меня ведёт в сторону. Кажется, я сейчас позорно упаду, хотя пытаюсь спасти ситуацию и хватаюсь за спинку стула, но и это мне не помогает. Я падаю, только вот сильная рука бывшего мужа успевает подхватить меня за талию и спасает от падения.

Глава 2.

Мы стоим непозволительно близко и смотрим друг на друга растерянно. Уверена, что он тоже в шоке, но умело скрывает свою реакцию. Я прихожу в себя быстро и, подняв руки, касаюсь его плеч. Надавливаю несильно, давая понять, чтобы отпустил.

– Ты в порядке? – спрашивает Дима, чуть откашлявшись.

Я киваю, и только после этого он меня отпускает.

– Кузнецова, ну что же ты так?!

Олег Степанович натягивает улыбку и подходит к нам. Смотрит на Соколова извиняющимся взглядом и пытается реабилитировать меня в глазах бывшего мужа.

– Дмитрий Сергеевич, это та самая Кузнецова Поляночка Андреевна – моя помощница. Я вам о ней говорил, оставил свою личную рекомендацию, уверен, вы в ней не разочаруетесь. Вы не смотрите на её неосторожность, она просто разнервничалась наверное, так ведь, Поляночка?

Господи, ситуация становится ещё хуже. Всё это так нелепо смотрится.

– Эм... да, – только и отвечаю.

– Дмитрий Сергеевич, если хотите, мы можем прямо сейчас с Поляночкой передать вам оставшиеся дела. Она знает не меньше меня, и вам с ней будет очень комфортно работать.

Боже, нет! Только не это. Я не смогу работать с бывшим, точнее, с бывшим.

– Я сейчас спешу, заехал буквально, чтобы переподписать кое-какие документы, – отвечает Дима Олегу Степановичу, но смотрит в это время только на меня. Мой теперь бывший начальник, Олег Степанович замечает странность между нами и замолкает, переводя взгляд с Соколова на меня и обратно. Господи, в этом кабинете слишком много бывших: бывший муж, теперь ещё и бывший начальник.

– Я понял. Тогда давайте приступим к делу?

– Я тогда выйду, не буду мешать. – Делаю шаг в сторону выхода, но Дима преграждает мне путь и, поднимая взгляд выше моей головы, произносит:

– Олег Степанович, не могли бы вы ненадолго оставить нас с Полиной Андреевной наедине?

Боже, нет, только не это. Внутри от волнения всё леденеет, а пальцы рук и ног немеют. Не хочу оставаться с ним наедине, зачем он это делает? Только ставит нас в неловкое положение. Я уволюсь, точно уволюсь. Не смогу тут рядом с ним работать.

Олег Степанович уходит, и Дима кивает на стул, приглашая присесть. Сам же садится на место начальника. С одной стороны это логично, учитывая, что в кабинете всего два стула, один из которых мной уже занят, но с другой стороны он будто проводит сразу между нами границу.

Не хочу смотреть на него, но было бы глупо отвернуться или даже убежать из кабинета. Поэтому смотрю на его лоб, нос и даже щетину, куда угодно только не в глаза. Если посмотрю ему в глаза, я точно расплачусь.

– Как твои дела? – спрашивает сверля глазами немного хриплым голосом.

– У меня всё хорошо, – надеваю равнодушную маску на лицо и, растянув губы в улыбке, отвечаю как можно спокойнее.

Хоть бы продержаться и уйти, не упав в грязь лицом.

– Рад за тебя, – отвечает задумчиво. Если я его хотя бы немного ещё знаю, то он сейчас думает о том, как тактично спросить меня о моей личной жизни. – Значит, ты тут работаешь?

– Да, – так же коротко отвечаю, не задавая в ответ ему вопросы. Хочу, чтобы быстрее закончился этот ненужный разговор, и уйти быстро отсюда.

Он так изменился. Господи, почему он так похорошел, возмужал. От него даже на расстоянии веет властью и деньгами. Интересно, как он смог так подняться? Когда мы с ним были вместе, мы жили совсем скромно.

Молчание затягивается, и я чувствую, как моя маска тихо начинает исчезать, я не могу так долго притворяться. И поэтому решаю проявить инициативу и быстрее завершить этот странный и никому ненужный разговор.

– Ладно, была рада увидеться, но у меня много дел. Я пойду.

– Ты совсем не изменилась, всё такая же красивая, – вдруг летит мне в спину.

Я останавливаюсь, собираю пальцы одной руки в кулак и выдыхаю, приказывая себе не расслабляться и не таять от его голоса и комплимента.

– Спасибо, – отвечаю, не оборачиваясь.

Хочу уйти, но он снова останавливает.

– Ты счастлива?

Тут не выдерживаю. Зачем он ковыряет мои раны, зачем лезет со своими ненужными никому вопросами. Злость волной проходит через меня, и я разворачиваюсь резко.

– Дима, давай договоримся сразу. Я не хочу обсуждать ничего из нашего общего прошлого. Мы с тобой в прошлом, каждый живёт своей жизнью. Пусть так и останется. Если не готов со мной работать или не хочешь, чтобы я тут работала, лучше сразу скажи, я напишу заявление на увольнение. Но если решишь оставить меня, то разговоры о личном и прошлом будут под запретом. Ты – мой босс, я – твоя помощница. Ни больше, ни меньше.

Он, кажется, немного удивлён моей реакцией и бурной речью.

– Вот как значит? Хорошо, раз ты так хочешь, то тогда мы будем разговаривать как босс и подчинённая. Ты сама этого захотела. Можете быть свободны, Полина Андреевна, – бросает небрежно холодным тоном.

Хватаю ручку двери, не успеваю даже опустить её вниз, как в кабинет залетает та самая блондинка, с которой я видела Соколова в машине. И если я правильно понимаю, она его девушка, или даже жена. Только сейчас она почему-то плачет. Замешкавшись на пару секунд, выхожу из кабинета, но слышу весь их разговор.

– Дима!

– Тихо, тихо. Что случилось? Почему ты плачешь? – он смягчает свой голос и говорит с ней намного мягче, чем со мной.

Дурацкая обида царапает по моему ноющему сердцу. Через приоткрытую щель вижу, как он её обнимает и ласково гладит по волосам.

Нет, я точно не смогу тут больше работать. Я не мазохистка. Мне теперь в первую очередь нужно думать о своём малыше. Врач предупредила меня, что ни в коем случае мне нельзя волноваться, а глядя на счастливого Соколова с другой девушкой, покоя мне не видать, как своих ушей.

Беру лист бумаги и начинаю писать заявление, но не прекращаю подслушивать. Это получается не специально, но всё же я подслушиваю.

– Дима, звонили с клиники. Они сказали, что перепутали биоматериалы и теперь твой ребёнок находится в животе у другой женщины!

– Что ты сказала?

Глава 3.

Услышанная новость приводит меня в шок. Сразу становится не по себе. Даже врагу такого не пожелаешь. Беру свои вещи и быстро удаляюсь, чтобы не подслушивать. По пути на выход встречаю Олега Степановича и, не вдаваясь в подробности, сообщаю ему, что увольняюсь. Вручаю ему лист бумаги с моим заявлением и ухожу.

Выйдя на улицу, делаю пару жадных вдохов свежего воздуха и иду на остановку, по пути набирая Ульяну.

– Привет, ещё раз! Слушай, мы можем встретиться ещё раз сегодня.., сейчас?

– Эм... Да, я сейчас отпрошусь у начальника, куда подойти? – всегда знала, что на Ульяну можно положиться. Она у меня острая на язык, но зато очень добрая и справедливая.

– Подъезжай к нашему любимому кофе. Я, если что, уже на остановке, маршрутка вот-вот уже должна подъехать.

– Хорошо, – хотела уже отключиться от звонка, но голос из трубки остановил. – С тобой и малышом всё хорошо? Я просто сойду с ума, пока буду ехать, поэтому лучше сразу успокой меня.

– Да, просто я с работы уволилась, и в общем мне нужна твоя поддержка.

– Ладно, это уже не так страшно. Скоро буду выезжать, если приедешь раньше меня, закажи мой любимый кусочек торта.

– Хорошо.

Спустя пол часа я на месте, делаю заказ и жду подругу, которая уже по моим подсчётам должна быть со мной.

– Фух, прости, что так долго, просто начальник сегодня какой-то злой, не хотел отпускать.

– Прости, что ставлю тебя в такое положение, просто я... Уля, мне так плохо, – губы дрожат и я, чтобы спрятать свои слёзы, просто опускаю голову.

– Милая, найдёшь ты себе другую работу, не переживай ты так? Не нервничай, прошу, подумай о ребёночке.

Подруга решает, что я расстроилась из-за работы, и начинает меня успокаивать.

– Нашу фирму Олег Степанович перепродал другому владельцу, а сам скоро переезжает в Чехию.

– И этот новый руководитель решил уволить всех старых работников? – возмущённо спрашивает.

– Не совсем так, – шмыгаю носом. Уля протягивает мне салфетку. – В общем, моим новым боссом оказался Дима.

Повисает тишина. Подруга так смотрит, будто ей что-то не то послышалось.

– Соколов?

– Он самый.

Пересказываю всё, что было сегодня и делаю короткие глотки горячего чая, когда горло начинает першить. Господи, лишь бы не заболеть.

– Малышка, ну, не расстраивайся так сильно. Ты правильно всё сделала, всё равно ты не смогла бы с ним работать. Давай будем честны, ты до сих пор его не смогла забыть, а он вот смог. У него женщина появилась, он от неё детей хочет, а это означает, что та блондинка не какая-то профурсетка, с которой он только удовлетворяет свои потребности.

Морщусь на последних её словах. Это очень неприятно слышать. Её слова царапают моё хрупкое сердечко. Я годами собирала осколки себя после того, как мы развелись с Димой. И сейчас невыносимо слышать слова о том, что Дима влюблен в другую и собирается завести ребёнка с другой.

– Прости, родная. – Уля протягивает руки и берёт мои ладони в свои сжимая пальцы. – Я не хочу делать тебе больно, просто кто-то должен до тебя донести эту истину, и так получилось, что этим кто-то сейчас являюсь я.

– Я знаю... Просто я так мечтала родить ему ребёнка, но не смогла. Мы с ним не прошли это испытание, понимаешь? Боролись, но... И сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мы рано сдались.

Ульяна внимательно слушала меня, подбирала правильные слова и всячески старалась успокоить. В конце концов, когда я высказала всю свою боль, мне стало лучше, и я решила поехать домой. Подруга перед выходом забежала в уборную, а я решила подождать её на улице. Немного мутило, правда, но в целом терпимо.

Неожиданно в сумке зазвенел телефон. Вытащив, увидела на дисплее номер моего врача. Я удивилась, но сразу не получилось ответить. Пока снимала перчатки, звонок сбросили. Хотела перезвонить, но входящий от врача снова повторился.

Тревога моментально разнеслась по всему телу. Ведь она сама мне никогда не звонила до этого. Неужели с моей беременностью что-то не так.

– Добрый день, Полина Андреевна! – по ту сторону связи звучит неуверенный голос моего доктора, что обычно ей совсем не свойственно.

– Добрый, Нина Николаевна! Что-то случилось? – отвечаю дрожащим голосом, чувствуя, что она сейчас скажет мне плохую новость.

– Случилось, Полина Андреевна. К сожалению, случилось.

– Нина Николаевна, умоляю, только не говорите, что с моим малышом что-то не так! Я просто не вынесу этого, – сразу начинаю плакать, прижимая свободную руку к низу живота.

– С ребёнком всё хорошо, можете за его здоровье не беспокоиться, плод развивается, как положено. Проблема в другом, но об этом лучше я вам расскажу при личной встрече. Приезжайте лучше в клинику.

– Нет! Говорите сейчас. Иначе я буду сильно и долго волноваться, а мне нельзя, вы сами сказали.

Женщина тяжело выдыхает и медленно сообщает действительно ужасную новость.

– К сожалению, в нашей клинике произошла ужаснейшая путаница. Вместо донора, которого вы выбрали для инсеминации, вам был введен биоматериал другого донора.

Глава 4.

– Нам очень жаль, Полина Андреевна. Клиника приносит вам свои извинения и просит не обращаться в суд. Мы готовы оплатить моральный вред, нанесённый нами, а так же провести вам операцию по прерыванию беременности нашими лучшими специалистами, если ребёнок от другого донора для вас неприемлем.

Голова словно ватная, ничего толком не слышу и не воспринимаю. Я просто с бешено стучащим сердцем слушаю владельца клиники и еле держусь, чтобы не упасть в обморок.

– Я не буду прерывать беременность!

– Понимаете, дело ещё вот в чём. Донором вашего ребёнка является не простой человек. То есть, этот мужчина желает стать отцом. Он не обычный донор, который просто за деньги сдал свою ...

– Я поняла. – перебиваю его, приходя в ещё больший шок.

– Вы носите под сердцем ребёнка очень влиятельного человека. Он знает о случившемся и требует прервать вашу беременность. Отец вашего малыша не хочет ребёнка от незнакомой женщины.

– Что?! – вскакиваю со стула и тут же сажусь обратно, голова закружилась.

– Видите ли, он хотел воспользоваться нашими услугами вместе со своей супругой. Поэтому то, что произошло, крайне неприемлемая ситуация для них.

– Я не буду делать аборт! Это мой ребёнок, только мой! Так и передайте этим жестоким людям, – меня начинает трясти от услышанного.

– Я так и думал. Что ж, это ваше право. Насильно никто вас не заставит прервать беременность. Но я вынужден предупредить, отец вашего ребёнка будет искать вас.

– Кто он? – сглатываю ком из страха. Что если это какой-то бандит? Господи, а что если это какой-то наркоман?!

– Пока не могу разглашать эту информацию. Я не получал разрешения, но если хотите, я могу передать ваши пожелания ему.

– Нет, не надо! Я не хочу знать имя того, кто пожелал убить своего ещё не рожденного ребёнка. Вы просто скажите ему, что я согласилась и сделала аборт. Так будет лучше для нас всех. И тогда я обещаю и даже могу дать расписку, что к вашей клинике не имею никаких претензий.

Главный врач на некоторое время замолкает, обдумывая моё предложение. А потом тихо хлопает ладонью по столу и обещает подумать над моим предложением.

– Я подумаю. Подумаю...

– Только, я бы хотела ещё знать, здоров ли отец моего будущего малыша. Сами понимаете, на сколько это важно.

– На счёт этого вопроса можете быть спокойны, наш клиент здоров.

Домой доехать помогает мне Ульяна, которую я сегодня целый день не перестаю шокировать. Она с пониманием относится к моим проблемам, за что я ей безумно благодарна.

– Постарайся поспать. Всё будет хорошо, – подруга прощается и уходит, оставляя меня одну в однокомнатной квартире, за которую я ещё не выплатила до конца. У меня ещё пол года осталось.

Блин, ну надо же было Соколову купить именно нашу фирму среди сотен аналогичных сейчас! Так не вовремя...

Только подумала о нём, и мне начинает звонить Олег Степанович, которого я целый день игнорировала. Пришлось ещё и с ним объясняться. Он, конечно, сильно удивился, когда узнал,

что Соколов мой бывший муж. В итоге мы пришли к тому, что моё заявление никто не подписал, и даже выбросили в мусорное ведро.

На следующей день прихожу на работу, как обычно. Олег Степанович сообщает, что после обеда приедет Соколов и будет принимать дела фирмы. Я со скрипом на сердце принимаю, что придётся помучиться в ближайшие пол года. Выбора нет, ипотеку надо закрыть, родителям помочь тоже надо, да и мне на что-то жить, так что придётся потерпеть.

Главный врач клиники как раз позвонил ближе к обеду и сообщил, что согласен с моим условием, и отцу моего малыша сказали, что я якобы сделала аборт.

Я выдыхаю, хотя бы в этом вопросе у меня не будет проблем.

На обеде увлекаюсь едой так, что забываю о времени и опаздываю немного на работу. Когда возвращаюсь и снимаю с себя верхнюю одежду, из кабинета, как гром среди ясного неба, грохочет озверевший голос бывшего мужа.

– Кузнецова, зайди!

Что это с ним? Не с той ноги что-ли встал, думаю я, а потом вспоминаю его вчерашний разговор с его девушкой, и меня осеняет. Вчера они с ней были в той же клинике, что и я. А потом его девушка сказала, что...

«Дима, звонили с клиники. Они сказали, что перепутали биоматериалы, и теперь твой ребёнок находится в животе у другой женщины!»

Нервный смешок срывается с губ.

– Да нет, этого просто не может быть...

– Кузнецова, живо ко мне!

Плетусь на ватных ногах к нему, пообещав себе, что надавлю на главврача и обязательно узнаю у него, что отец моего ребёнка не Соколов.

– За опоздания тебе будет выписан штраф! А если повторится подобное ещё раз, уволю. Надеюсь, ты меня услышала?

Глава 5.

– Если так сильно хочется меня уволить, надо было сделать это ещё вчера, когда я оставляла заявление на увольнение! – отвечаю громче, чем хотелось бы, не смогла промолчать на его грубость.

– О каком заявлении ты говоришь?! Я ничего не видел, – чуть спокойнее отвечает.

– Тогда все вопросы к Олегу Степановичу. И не смей, пожалуйста, больше разговаривать со мной в таком тоне, я тебе больше не жена. Да и когда была женой, ты такого себе не позволял.

Он слушает меня некоторое время, а после выдыхает. Его лицо чуть разглаживается, и Дима устало трёт пальцами переносицу.

– Прости, день сегодня просто тяжелый.

Я молча киваю спустя минуту.

– Бывает. Если у вас больше нет ко мне других вопросов, то я бы хотела приступить к работе, Дмитрий Сергеевич.

– Перестань, Полин. Это просто даже не смешно.

– Что именно?

– Обращаться ко мне на вы.

– А как мне тогда обращаться?

– По имени, Полина. По имени...

– Мы находимся на работе, тут около двухсот сотрудников, я не хочу каких-либо сплетен. Поэтому будет лучше, если мы сохраним в рабочее время деловой тон. Да и к тому же... – запинаясь, одергивая себя. Нельзя заговаривать о его девушке, может подумать, что я его ревную или у меня к нему остались чувства.

– Договаривай, раз начала.

– Нет, достаточно уже того, что я озвучила.

Он снова надевает холодную маску и, кивнув своим мыслям спокойно говорит:

– Ты всегда была трусихой. Смотрю, спустя десять лет так ничего и не изменилось.

Вот меньше всего мне хотелось с ним начинать словесные перепалки и выяснения отношений. Но он упрямо подталкивает меня к этому. Или он специально провоцирует меня. Но чтобы там ни было, я не позволю думать обо мне, как о трусике.

– Не думала, что быть тактичной теперь сравнивается с трусостью. Если тебе так интересно, то я хотела сказать, что твоей жене тоже не понравится, когда я буду общаться к тебе на ты в рабочее время. Так что прекращай попытки выводить меня на ненужные эмоции и давай будем работать, как положено нашим статусам в рабочее время.

Дима встаёт и ленивой походкой подходит ко мне чересчур близко. Я же стараюсь держаться, не делаю резких движений. Он просто сейчас скажет всё, что хочет и сам отойдёт. Дима из тех, кто любит оставлять последнее слово за собой.

– Я буду обращаться к тебе так, как я хочу. Плевать мне на фантазии всех, кто будет думать про нас с тобой в не официальном ключе. Ты не находишь абсурдным обращаться ко мне на вы, после того что между нами было.

– Послушай, то что было это...

– Я был твоим первым мужчиной, видел тебя абсолютно голой, трогал и трахал тебя в самых разных позах, ты стонала подо мной и умоляла...

– Прекрати!

Закрываю его губы ладонью и в этот момент чувствую, как его губы растягиваются в довольной ухмылке, а глаза тут же темнеют. Я помню этот взгляд, и что за ним шло, тоже помню. Щёки горят от его слов, и хотя я ничего такого не говорила, стыдно почему-то мне. Дима же продолжает прожигать своим тёмным взглядом моё лицо. Рядом с ним становится

слишком жарко, и знакомые чувства наполняют низ живота. Я отдергиваю руку и быстро отхожу. Сама себя ругаю за эти мысли и неконтролируемую тягу. Как во мне вообще могло проснуться это влечение на такую грубость?! Я прекрасно помню, что когда другие мужчины говорили со мной так, это просто отворачивало меня от них. А тут совсем наоборот. Почему он меня волнует спустя столько лет?! Догадки на этот счёт, конечно же, приходят, но я заталиваю их глубже. Нельзя проявлять слабость, иначе снова буду страдать.

– С каких пор ты стал таким грубым?! Держи себя в руках, пожалуйста, и, будь добр, не переходи границы дозволенного.

Он усмехается и отходит назад к своему рабочему столу. Не стесняясь, оценивающе пробегаются всё ещё темным взглядом по моей фигуре. Я поджимаю губы и терплю этот взгляд до последнего, а когда уже была на грани срыва, зазвонил телефон Соколова, и он тут же прекратил раздевать меня взглядом.

Нахмурившись, ответил на входящий.

– Да... Я занят, вечером поговорим... Вика, дома поговорим, всё, я отключаюсь!

Не трудно догадаться, с кем он только что говорил. Наваждение, которое я чувствовала минутой ранее, мигом растворилось. В груди даже неприятно заныло. Он сказал «поговорим дома» другой женщине. Раньше он так говорил только мне, а сейчас... Интересно, он привёл её в нашу квартиру или они живут в другом месте. Наверное, в другом, ведь у него теперь есть деньги, а значит и большой дом, а не та малюсенькая двухкомнатная квартира, в которой мы жили втроём: я, Дима и его мама. Последняя, кстати, невзлюбила меня с первых дней знакомства. Часто вмешивалась в наши отношения и пыталась очернить меня в глазах своего сына. Ну да ладно, что вспоминать теперь. Это всё уже в прошлом.

– Я лучше пойду, много дел накопилось.

– Подожди, мы не договорили...

Он хотел ещё что-то сказать, но его телефон снова ожил. Поднимает палец вверх, показывая чтобы дала ему минуту.

– Да, я слушаю... Что значит, вы не можете найти её?! Даю вам трое суток, а после у меня на столе должна лежать вся информация об этой суке, которая посмела убить моего ребёнка!..

Нет... Не может быть... Он говорит не про меня...

Разворачиваюсь и, не слушая Соколова, вылетаю на улицу. Запрыгиваю в свободное такси и мчусь в клинику. Сердце готово выпрыгнуть из груди, я не верю, это просто совпадение. Меня бросает то в жар, то в холод, я хочу подтверждений от главного врача злосчастной клиники, что отцом моего ребёнка **НЕ** является мой бывший муж – Соколов Дмитрий Сергеевич!

Глава 6.

– Девушка, вы куда? Стойте!

Я залетаю в кабинет к главному врачу клиники, следом за мной врывается секретарша, Яна Владимировича.

– Простите, она так быстро пробежала, что я не смогла её остановить, – извиняется секретарша, недобро поглядывая в мою сторону.

– Всё нормально, можешь выйти, – отвечает Ян Владимирович. Двери кабинета закрываются, и мужчина переводит свой усталый взгляд на меня. – Я так понимаю, что что-то случилось, раз вы, Полина Андреевна, чуть не выбили дверь в моём кабинете.

– Случилось, я хочу знать, кто отец моего малыша.

– Полина Андреевна, я думал мы с вами договорились, и вы обещали замять дело об этом инциденте.

Я мотаю головой. Не хочу сейчас слушать про наш вчерашний договор.

– Просто скажите... – чуть не задыхаясь от волнения задаю один единственный вопрос. – Скажите, отец ребёнка, которого я ношу под сердцем, Соколов Дмитрий Сергеевич?

Ян Владимирович выдыхает и присаживается обратно на стул, крутит ручку в руках и подтверждает мои страшные догадки.

– Да, Полина Андреевна. Вы беременны от него.

Всё вокруг в этот момент замирает для меня. Начинает кружиться голова, пока не упала на пол, тихо оседаю сама, руками пытаюсь ухватиться за стену.

– Тихо, тихо...

Ян Владимирович подбегает и помогает сесть на стул. Сразу после этого быстро наливает мне воду в стакан и помогает сделать пару глотков. Мы молчим некоторое время, пока я прихожу в себя.

– Полина Андреевна, откуда вам известно имя отца ребёнка?

Я тянусь руками к животу автоматически. Господи, что это за шутка такая? Когда мы мечтали о нём, ты нам его не хотел давать. А спустя столько лет, когда мы разошлись, ты почему-то решил нас испытать. Зачем всё это? Он же, наверняка, женат уже и счастлив в браке, я уже давно смирилась с участью матери-одиночки.

Губы пересохли, снова беру в руки стакан и отпиваю воду.

– Это уже не важно.

– Полина Андреевна, я должен знать правду. Ведь я пошел, грубо говоря, на преступление, когда вчера согласился на ваши условия и сообщил отцу ребёнка, что вы пошли на аборт.

– Я ничего не понимаю, Ян Владимирович. Разве вы мне не передали его слова, что он требует аборт. А сегодня я была свидетелем одного разговора Дмитрия Сергеевича, из которого я точно могу сделать выводы, что он не желал аборта. Как вы это можете объяснить?!

На последних словах срываюсь и повышаю немного голос. Параллельно на глаза наворачиваются слёзы. Я запуталась, и мне страшно теперь.

Главный врач встаёт и отходит к окну, нервно проводит рукой по волосам.

– Полина Андреевна, на аборте настаивала супруга Дмитрия Сергеевича. Сам же Дмитрий лично по этому вопросу ничего нам не говорил. Мы решили, раз супруга Соколова требовала этого, значит это общее семейное решение.

– Что?.. Значит, Дима, е хотел аборта? Это что получается, он всё равно хочет этого ребёнка?

– Получается, так. И, кажется, у нас скоро будут большие проблемы. Дмитрий Сергеевич уже нанял адвоката и собирается судиться с нами. Я не силен в законе, но вполне вероятно,

что он сможет выиграть дело. Скорее всего, ваша личность будет раскрыта, вам лучше быть готовой к такому исходу.

– Ч-ч-что вы такое говорите?! Ян Владимирович, вы же обещали мне помочь...

– Вы простите меня, но я не всемогущ, да и к тому же Соколов начал действовать не только законными путями, чтобы узнать информацию о вас, но и незаконными тоже.

– К-к-как... Это к-к-как? – начинаю уже заикаться от страха.

– Вчера базу данных нашей клиники с именами всех пациентов пытались взломать. Не сложно догадаться чьих рук это дело.

В голове просто происходит взрыв от всей этой информации, нервный смех переходит на истерический. А после я поднимаюсь и на слабых ногах направляюсь на выход.

– Полина Андреевна, куда вы? Мы же не договорились. Вы так и не сказали, откуда узнали, что Дмитрий Сергеевич является отцом ребёнка.

– Он мой бывший муж.

Главный врач на глазах бледнеет и просто замирает с глупым удивлением на лице. Даже не смог сказать ни одного слова.

– Мне нужно время. Прошу Вас, не выдавайте меня, я что-нибудь придумаю. Просто помогите мне. Нельзя, чтобы Соколов узнал, что я беременна его ребёнком.

Глава 7.

12 лет назад

«Полина, Дима тебя любит».

Сообщение от незнакомого номера. Пока перебираю в голове кто это мог быть приходит ещё одно такое же сообщение, только от другого номера. Открываю, и телефон снова пиликает. Смски одна за другой начинают приходить, и в каждой из них только один и тот же текст. «Дима, тебя любит».

Трепетная радость разливается в душе. Я улыбаюсь и смущаюсь, потому что все одногруппники и студенты универа смотрят только на меня. Я немного растеряна и не понимаю, что происходит. Просто продолжаю идти в наш кабинет с телефоном в руках, поправляя всё время ремень сумки. Между этажами в самом универе висят большие плакаты.

Между первым и вторым этажом с надписью «Дима+Полина».

Дальше между вторым и третьим надпись «Он тебя любит».

На двери самого кабинета плакат с рисунком сердца ярко красного цвета.

В какой-то момент начинаю перебирать, что сегодня за день может быть, но ничего не приходит в голову. Открываю дверь и вижу, что кабинет забит студентами, в руках каждого закрытые плакаты. А впереди всех стоит Дима и немного взволнованно улыбается.

– Посмотри на доску, пожалуйста, – просит он.

Я медленно поворачиваюсь, а там написано: **ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ!**

Я закрываю губы ладонью, кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Дима становится на одно колено передо мной и протягивает кольцо. В этот момент все находящиеся в аудитории студенты раскрывают свои плакаты, а там у всех одна фраза.

«Скажи ДА»

Я смеюсь и плачу, протягиваю трясущиеся пальцы Диме и тихо отвечаю:

– Да.

Вся аудитория взрывается в криках и свистках. Дима целует меня перед всеми, и я, смутившись, после зарываюсь ему в куртку. Ребята подбегают и начинают подбрасывать Диму, таким образом выражая ему свои поздравления, а девочки целуют и обнимают меня. Дима раскрывает руки и, подняв руки и голову вверх, начинает кричать: «Она сказала Да». Смеётся и радуется, как ребёнок. Конечно, необычно его видеть таким, обычно он хмурый и серьёзный парень и держит лицо авторитета среди парней.

На самом деле все удивляются его выбору, и многие не готовы признать меня как его девушку. Но из-за того, что его уважают и боятся, вынуждены просто держать своё мнение при себе.

Он, наконец, вырывается и, схватив меня за руку, тянет за собой.

– Давай сегодня сбежим? – шепчет на ухо, и я не успеваю ответить ему, тянет сразу на выход.

Мы сталкиваемся в пролёте с преподавателем, который сейчас у нас должен был быть. На секунду Дима замедляется, а потом, опередив его, говорит, что мы сбегаем потому, что решили пожениться.

– Дима, куда мы бежим? Дождь ведь на улице...

Смеясь, пытаюсь не отставать от любимого.

– Я всегда хотел поцеловать тебя под дождём.

– Дурачок.

Он впирается в мои губы и начинает кружить.

Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Всё происходит даже лучше, чем я могла себе представить.

– Поехали ко мне?

Я не сразу понимаю о чём он, но спустя минуту начинаю догадываться.

– Мама сегодня на смене, мы можем провести время вместе. Совсем одни...

Если соглашусь, то это будет означать, что я даю согласие на эту ночь. Ведь он не раз до этого намекал на близость, но, учитывая мою неопытность, не торопил, а сегодня я приняла его предложение, и теперь всё изменилось.

– Поедешь?..

– Дима...

Любимый ловит сомнения в моих глазах и решает быстро успокоить.

– Ничего не будет, если ты не захочешь.

– Хорошо, – отвечаю, прикусив нижнюю губу.

Он ловит такси, и мы счастливые садимся в него и едем к нему домой. На самом деле я уже была пару раз у них дома, Дима, конечно, чаще звал, но я отказывалась из-за Валентины Игоревны. Мама Димы почему-то невзлюбила меня с первых дней. Прямо она, конечно, не говорила об этом, но давала понять всеми возможными способами и чаще всего, когда Дима отлучался. Не знаю, почему она меня невзлюбила, но когда мы случайно сталкивались в городе, она даже не здоровалась со мной, делала вид, что не знает меня и проходила мимо, игнорируя моё приветствие.

– Закрой только глаза. – Из мыслей вырывает голос любимого. Он открывает ключом дверь квартиры и помогает мне зайти с закрытыми глазами. – Вот, теперь можешь открывать.

Когда делаю так, как он просит, сразу в глаза бросается кровать, обсыпанная лепестками роз, и столик, на котором стоит ведро со льдом, а там бутылка шампанского.

– Я ни разу не романтик, ты в курсе, но я правда старался, – говорит Дима, стоящий сзади, и прижимает меня к себе, зарываясь носом в мои волосы.

– Спасибо, получилось очень даже романтично, – отвечаю, повернув голову к нему.

Он улыбается и целует меня. Включает музыку на телефоне и приглашает меня на танец. Мы отключаемся от всего и просто наслаждаемся друг другом.

– Ты станешь моей женой, будешь Соколовой и родишь мне детишек. Хочу дочку от тебя, малыш.

Я начинаю дрожать от такого откровения.

– Всему своё время, Дим. Сначала надо встать на ноги, – отвечаю, пряча лицо на его плече.

– Всё будет, у нас всё будет, малыш, обещаю тебе, только верь в меня, ладно?

– Ладно.

Больше мы ничего не говорим, но в какой-то момент, Дима поддевает пальцами лямку моего платья и тянет вниз. Я не успеваю отреагировать, он тут же целует меня сначала в плечо, а потом выше – шею. Моё тело сразу реагирует и покрывается мурашками. Мне так хорошо, что я даже и не думаю останавливать его. А после мы плавно переходим на кровать, и любимый медленно снимает с меня всю одежду. Он нависает сверху, и мы сливаемся воедино, а под утро засыпаем, забыв обо всём на свете.

Просыпаюсь от того, что кто-то в меня бросил какую-то холодную вещь. Испуганно сажусь на кровать и не сразу вспоминаю, где я.

– Бесстыжая! Такая же, как и все.

Презрительный голос мамы Димы быстро приводит в чувство. Самого Димы, кстати, почему-то не оказалось рядом.

Валентина Игоревна оказывается бросила в меня моё мокрое платье.

– 3-3-здравствуйте! А где Дима?

Она делает шаг вперёд и, судя по её взгляду, хотела сказать что-то не очень приятное, но в этот момент в комнату заходит одетый с ног до головы Дима с букетом роз и застаёт свою маму со мной в его комнате.

– Мамуль?.. Ты сегодня пораньше вернулась домой? – Дима смотрит на часы, а после на меня с извиняющейся улыбкой на лице.

– Как видишь, вернулась. – Не сильно тепло отвечает сыну.

– Мам, тут такое дело... В общем, я сделал предложение Полине, и она согласилась стать моей женой. Мы скоро поженимся.

– Вот как? – женщина изгибает бровь и бросает в сына чуть ли не испепеляющий взгляд.

– Да ладно, мамуль, не обижайся. Я хотел сказать, но ты опередила меня и испортила сюрприз. – Дима, в шуточной форме немного успокаивает мать, но та даже не думает выйти. А я так и сижу, закутавшись в простыне.

Валентина Игоревна быстро осматривает глазами комнату и останавливается на кровати, точнее на белой простыне, где алое пятно выделяется, крича о том, что я оставила здесь свою невинность. Сгорая от стыда, стараюсь краем простыни, которой я прикрываюсь, закрыть от неё красное пятно. Женщина, недовольно поджав губы, молча выходит. Дима тут же бросается извиняться, протягивает мне букет роз, он побежал в цветочный, чтобы подарить мне после того, как я проснусь, но вышло совсем не так, как он задумал, к сожалению.

– Прости. Не обижайся на маму, она просто немного в шоке, поэтому так странно отреагировала. Уверен, позже она поздравит нас, как положено.

– Хорошо. – Улыбаюсь любимому и забываю этот неприятный инцидент, как только губы Димы касаются моих.

Глава 8.

– Прости, я потеряла его... Снова подвела тебя...

Плачу, закрыв руками лицо. Это уже второй выкидыш с момента, как мы поженились.

Дима смотрит на меня с ужасом и страхом в глазах, когда я сообщаю ему про случившееся. Но он старается держаться, обнимает меня тут же и всячески пытается успокоить, шепча на ухо, что всё будет хорошо. Я долго не могу успокоиться, в итоге, благодаря Валентине Игоревне, она работает санитаркой в больнице, мне ставят укол, и я медленно перестаю плакать. Засыпаю в руках мужа, под его обещания, что у нас всё будет хорошо.

Просыпаюсь на следующее утро в больнице, рядом Дима сидит на деревянном стуле, его голова лежит на больничной койке рядом с моей рукой. Я протягиваю к нему пальцы и чуть касаюсь его волос. Дима медленно просыпается, смотрит на меня пару секунд, а потом тянется ко мне и целует меня в лоб.

– Привет, – уставшим голосом здоровается муж.

– Привет, – выдавливаю ответ.

– Как ты? – любимый поправляет мои волосы и смотрит на меня так, что сердце просто сжимается. Я делаю его несчастным, и себя тоже мучаю.

Я опускаю глаза и, честное слово, старалась не заплакать, но душа горит от вчерашней потери, не смогла скрыть слёзы. Глаза увлажнились, и я всхлипнула, после отвернулась от мужа. Губы задрожали, и я попыталась закрыть лицо тыльной стороной левой руки, в правую руку мне поставили капельницу.

– Ч-ш-ш-ш, не плачь, пожалуйста. Я тебя прошу, не плачь. Тырываешь мне душу.

– Дима, я так виновата перед тобой и нашим малышом, не послушала тебя, не легла в больницу, а ведь ты мне говорил...

– Всё, всё, успокойся. Ты не виновата, ты ни в чём не виновата.

Продолжал успокаивать меня любимый.

Меня выписали через три дня. Мы вернулись домой, Дима первые дни даже на работу не ходил. Приглядывал за мной и старался меня всячески отвлечь, и я подыгрывала ему, чтобы он со мной не мучился.

Когда Дима вышел на работу, Валентина Игоревна начала давить на меня.

– Хватит уже строить из себя мученицу! Мало того, что родить не можешь, так ещё и сына моего делаешь несчастным. Вечно какие-то слёзы, сопли и недовольное лицо. Я, конечно, молчу сейчас, но это не означает, что я буду вечно молчать. Не можешь родить внука мне, не стоит тогда рушить и моему сыну будущее, оставь его в покое. Он ещё сможет встретить здоровую женщину, которая подарит ему детей и не только.

– Валентина Игоревна, вы что такое говорите?! Что я вам такого сделала? За что вы меня ненавидите? Я что, по вашему, хотела потерять собственного ребёнка от любимого мужа? Вы вообще слышите о чём, говорите?... – меня трясёт от слов обвинений свекрови.

Мы с ней так и не нашли общий язык, Дима из-за этого тоже сильно переживает, и поэтому я многое не рассказываю ему. Не хочу, чтобы он разрывался между нами и ссорился с матерью. Но сейчас свекровь перешла все границы, о таком я не смогу молчать, это уже слишком. Расскажу Диме всё, когда он придёт с работы домой.

– Я говорю о том, что тебе мой сын сам напрямую не может сказать! Или ты думаешь, Дима не думает о разводе? Он просто у меня слишком благородный и воспитанный, поэтому не может тебя, бракованную такую, бросить!

– Вы врётё! Дима меня любит, вы не сможете разлучить нас! Продолжайте и дальше выливать свой яд в одиночестве, уверена, вы ещё пожалеете о своих словах, вот только знайте, что я вас не прощу.

– Пф-ф-ф! Ты бы лучше сходила и проверилась, чем пререкалась со мной. Ведь явно, что с тобой что-то не так.

Хватаю сумку, куртку и еду к родителям. Пережду время там, а после попрошу Диму заехать за мной и поедem вместе домой.

Целый день крутила в голове слова свекрови, а что, если она права, и Дима устал от меня и действительно хочет бросить, но не может из жалости. А ещё я прям задумалась над тем, что стоит провериться у хорошего врача. Пойду с мужем. Пусть проверят нас двоих сразу, я просто больше не выдержу ещё одного выкидыша. Засыпаю с этими мыслями. Просыпаюсь, когда слышу в прихожей голос мужа.

– Она спит, Дим, давай не будем будить. Поля выглядела расстроенной, она, конечно, ничего не сказала, но они с Валентиной Игоревной, видимо, опять поссорились. Пусть она отдохнёт, а завтра если что приедешь за ней. Сам ведь понимаешь, ей сейчас покой нужен.

– Светлана Станиславовна, вы простите меня, но я не уеду без жены. Не могли бы вы позвать её или дайте пройти, я с ней поговорить хочу. Если она скажет, что остаётся, то, простите за наглость, я тоже останусь у вас.

– Дима, ну как же ты не понимаешь...

– Мам, ты чего не пускаешь Диму?

Муж, когда видит меня, сразу проходит, даже не разувшись, и обнимает так, словно мы не виделись целую вечность. Засыпает поцелуями моё лицо и, взяв моё лицо в руки, выдыхает так, словно сбросил гору с плеч.

– Я чуть с ума не сошёл, когда мама сказала, что ты от меня ушла.

Не успеваю возмутиться и сказать, что такого не было. Дима впивается в губы и целует. Жадно и требовательно.

– Кхм, кхм... – Откашливается вышедший из ванной комнаты отец, и я прерываю наш поцелуй. Стесняюсь при других целоваться, а при родителях так вообще мы целовались только на свадьбе и всё.

– Поехали домой?

– Да, поехали.

Родители недовольны происходящим, потому не хотели меня отпускать, но я не могу без Димы, я его так люблю, что готова и дальше терпеть издевательства его матери.

По дороге домой я всё рассказываю Диме. Он, конечно, старается не показывать свои чувства, обещает, что поговорит серьёзно с матерью.

Когда возвращаемся, Валентина Игоревна сидит на кухне и пьёт чай, видит нас и радостно бросается на сына, пытаюсь тем самым заставить его обнять себя в ответ, чтобы муж отпустил мою руку. Обычно это срабатывало, но не в этот раз. Дима, не отпускает меня и даже не обнимает в ответ мать.

– Мам, зачем ты сказала, что Полина ушла насовсем?

Она недовольно поджимает губы в тонкую полоску и смотрит на меня с презрением.

– А как иначе расценить её побег домой?

– Мам, – устало выдаёт Дима, протирая одной рукой лицо. – Я очень устал, правда. Если ты не прекратишь обижать Полину, мы будем вынуждены съехать.

– Что?! Что ты сказал?! Ты мать родную хочешь бросить? И кого ради? Ради этой бесполезной? Она ведь даже родить тебе не может!

– Мама, замолчи! – резко повышает голос Дима, и свекровь действительно затихает. – Больше. Никогда. Не смей. Так. Говорить. О Полине! – каждое слово чеканит с такой интонацией, что даже у меня мурашки побежали по всему телу.

Свекровь присаживается и смотрит так обиженно на сына и хватается за сердце. Включает все свои таланты и выдавливает из себя скупую слезу.

– Ты как с матерью разговариваешь? С той, которая родила тебя и воспитывала долгие годы, пока не появилась она! Это и есть твоя благодарность?

Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Вот же артистка... правда, погорелого театра!

– Мам, хватит. – Дима тает и касается её плеч, та сразу хватается за его руку и начинает тараторить.

– Сынок, я же счастье для тебя хочу. Отсюда и все мои слова, да где-то я может быть перегнула, но суть не меняется от этого. У вас с Полиной не получается родить. Явно же, что есть проблема. Вам бы провериться по-хорошему. Ненормально всё это. Я внуков хочу, понимаешь, а что если опять будет выкидыш, вы не думали об этом? Ну, давайте я вас запишу к Ростовой, пусть посмотрит вас, анализы сдадите, ну хоть что-то разъяснится.

– Мам, мы с Полиной...

– Я согласна! Запишите нас.

Дима смотрит на меня вопросительным взглядом, но я решаю, что так будет лучше. Свекровь, конечно, не святая, но доля правды в её словах всё же есть.

– Дим, впервые я соглашусь с Валентиной Игоревной. Давай проверимся, так будет лучше. Мне будет спокойнее, если мы обследуемся у лучшего врача города, если есть такая возможность.

Дима не в восторге от услышанного, но ради меня и матери соглашается на обследование.

Проходит почти месяц после посещения врача, к которой нас записала свекровь. Оказывается, они с Ростовой неплохо общаются и даже, я бы сказала, сдружились. Сегодня в два часа дня у нас к ней запись, она должна нам рассказать, что там с нашими анализами. Дима заезжает за мной домой, и мы вместе едем к доктору. Проходим в отделение, и нас провожают в кабинет к врачу. Она долго что-то объясняет, в большинстве случаев используя медицинские термины, вижу, как Дима теряет терпение и останавливает её.

– Я очень сильно извиняюсь, но можно нам коротко в двух словах рассказать нормально, что там у нас с анализами?! И желательно бы на русском языке.

Врач недовольно поджимает губы, откладывает листочки, которые она читала.

– Мне очень жаль, но у вас с супругой несовместимость.

– Что? – срывается с губ дрожащий голос.

– Детей у вас не может быть. Понимаете?

Глава 9.

– Не жди, ложись спать. Я поздно приду.

– Дим, я не смогу заснуть без тебя, возвращайся скорее. – Прощу сжимая телефон в руках и чуть не плачу.

Это уже пятый раз за последний месяц, когда муж не возвращается домой, ссылаясь на загруженность на работе. Но я то знаю, что дело не в работе, а в том, что у нас несовместимость. Он даже в нашей близости начал использовать презервативы. Боится, что я забеременею и снова будет выкидыш. Как-то пьяным вернулся домой и сказал, что больше из-за него я не попаду в больницу. Сказал, что отныне мы будем предохраняться. Меня это обидело, но я не стала спорить, ведь понимала, что он прав, и нам следует теперь предохраняться.

– Малыш, не капризничай, обещаю, что постараюсь вернуться быстрее, но и ты обещай, что попытаешься заснуть.

Разве может быть одновременно больно и сладко? Именно это сейчас происходит со мной. Больно, обидно, но и в тоже время его слово «малыш», и голос, каким он произнёс это слово, просто затапливает мою грудь теплотой.

– Ладно, – нехотя соглашаюсь и отключаю звонок.

Я действительно пыталась заснуть, но не смогла. Решив попить горячий чай, иду на кухню, а там Валентина Игоревна. Сразу одарила меня ненавистным взглядом и отвернулась.

Она больше напрямую не задевала меня, видимо, побаивалась, что Дима сделает обещанное, если свекровь не прекратит меня обижать. Я же в свою очередь тоже старалась с ней не заводить разговоры. Грубо говоря, мы с ней почти не общались после того дня, когда она узнала, что у нас с Димой несовместимость. Сказала тогда, что мы зря теряем время друг с другом, и на одном физиологическом удовольствии всю жизнь мы не протянем. Это было неприятно, мы тогда не стали с ней ругаться, слишком были подавлены.

– Ну и сколько ты планируешь ещё мучить моего сына?

Не выдерживает свекровь и сыпет соль мне на рану. Я не отвечаю на её выпад и просто продолжаю делать себе чай.

– Где только он тебя только такую бедовую нашёл?! – продолжает она, а у меня уже руки трясутся, и губы дрожат. Закусив губу, стараюсь отключиться и не слушать, но она продолжает бить словами.

– Будешь вот так молчать и смотреть, как мой сын начинает спиваться из-за тебя?

– Валентина Игоревна, прекратите! – дрогнувшим голосом пытаюсь остановить разогнавшуюся свекровь.

– А что, я не права? Сколько раз он приходил пьяным с момента, как вам рассказали о вашем диагнозе? Снова будешь молчать? А я вот больше не намерена молчать! Не позволю своему сыну остаться бездетным! Уходи по-хорошему из жизни моего сына, ты меня знаешь, я всё равно тебе жизни не дам рядом с ним. Это моё последнее слово. И можешь наябедничать Диме на меня, мне уже всё равно, и так слишком долго молчала. Не любишь ты его, только делаешь лишь вид, если ты его действительно любишь, сама отпустила бы его. Любящая женщина пожертвует своей любовью, если действительно любит, а вот ты просто эгоистка! Думаешь только о себе!

Не поворачиваюсь даже к женщине, которая стоит надо мной и кричит прямо в ухо. Выливаю чай в раковину и, стараясь не слушать причитающие слова свекрови, ухожу в нашу комнату Быстро одеваюсь и выхожу на улицу.

Вокруг пусто и темно. Не знаю, куда ноги меня несут, но я продолжаю идти, пока не вижу прямо перед собой церковь. Поднимаю горящие глаза вверх и просто падаю перед ней.

– За что ты так с нами? – обреченно спрашиваю и конечно же не получаю никаких ответов.

– Она права, нельзя его держать рядом, когда у нас нет счастливого будущего. Но как самой добровольно вырвать своё сердце? Боженька, помоги мне принять правильное решение, – плачу и, обессилив, облокачиваюсь спиной к воротам.

Сижу так довольно долго, а потом понимаю, что замёрзла и могу заболеть. Опомившись, стираю слёзы и решаюсь вернуться домой. Утро вечера мудренее, как говорится. Завтра на ясную голову ещё раз хорошенько подумаю.

Телефон вдруг пиликает, оповещая, что абонент «Любимый» звонил мне 25 раз. Я хочу сразу перезвонить, но входящий от Димы опережает.

– Полина, ты где? Я вернулся домой, а тебя нет. Мама сказала, что ты ушла, ничего не объяснив. Где ты? Я сейчас же приеду за тобой.

– Я... Не надо за мной приезжать, я скоро буду дома.

– Ты плачешь? Что случилось? Ты где? Блин, Полина, не своди с ума, просто скажи где ты?

– Я всё равно разъезжаю по городу в поисках тебя. И как ты вообще, чёрт возьми, допускаешь мысль, что я просто буду сидеть смирно, пока ты черти знает где находишься в два часа ночи?!

– Я недалеко от дома... Рядом с церковью стою.

Он замолкает и потом устало выдает.

– Хорошо, стой там, буду через минут 10 примерно.

Я отключаюсь. Телефон убираю в карман и начинаю себя обнимать. Хочу согреть себя, но такая реакция ещё на то, что предстоит разговор с Димой. И я честно говоря сейчас не готова к разговору с ним. Мне нужно ещё время, чтобы разобраться в себе, прежде чем рубить с плеча.

Дима быстро приезжает на место. Вылетает из машины и без каких-либо слов налетает на меня и обнимает так сильно, что чуть не ломает мне позвоночник. Вдыхает запах моих волос и трётся щекой об мою.

– Я чуть от страха не умер, не делай так больше!

– Дим, расслабь хватку. – Произношу с трудом, чуть хлопнув его по спине.

Он отпускает меня и отходит немного.

– Почему ты ушла? Что случилось, вы с матерью моей опять повздорили? Или это из-за того, что я домой не приехал рано?

– Прости, – я отвожу глаза и просто не могу больше ничего произнести.

Дима нервничает, и у него сейчас такой вид, что мне становится стыдно за свой поступок. Он просто измотан. Трудится ради нашего будущего на двух работах, а тут я ему такое устроила.

– Ладно, поговорим дома, садись.

Домой мы едем в тишине. А по приезду я сразу закрываюсь в ванной и принимаю горячий душ. Чувствую вселенскую усталость. Закутавшись, выхожу и сталкиваюсь со свекровью.

– Что за концерты ты тут устраиваешь?! Заставляешь моего сына по всему городу в такое время бегать после тяжелого дня.

– Mam, не начинай, пожалуйста, это наше с женой дело. Просто не вмешивайся! – Дима грубо прерывает мать.

Я же молча прохожу и ложусь на кровать, отвернувшись от мужа. Матрас рядом прогибается, понимаю, что Дима лёг рядом. Несколько секунд лежит не двигаясь, а после обвивает мою талию и притягивает меня к себе.

– Малыш, не молчи. Пожалуйста, поговори со мной.

Я всхлипываю снова. Чувствую себя сукой, которая мучает любимого человека. Права Валентина Игоревна. Я делаю его несчастным.

– Прости, я просто не могу так. Больше не могу. Нам пора признать, что ничего у нас не получится. Я должна отпустить тебя...

– Не смей! Больше ничего не говори. Я этого не слышал, а ты этого не говорила. Наступит утро, и мы не вспомним об этом разговоре. Ты слышишь? Мы больше не вспомним. Ты – моя жена, и у нас впереди счастливое и светлое будущее. Просто верь мне.

Глава 10.

– Дим, меня сегодня повысили до старшего продавца. Теперь у меня зарплата будет чуть выше, мы могли бы попробовать пожить одни. Что скажешь?

Радостная новость заставляет на некоторое время забыть событие недельной давности. Я сообщаю мужу эту хорошую новость и, немного осмелев, даже заговариваю о переезде. Хотя прекрасно понимаю, что Диминой зарплаты нам давно уже хватает и на переезд и даже на покупку более лучшей модели машины, однако он никак не решается оставить мать одну. И пусть он на прямую об этом мне никогда не говорил, но я знаю, что причина в свекрови. Тут, как говорится, хоть к гадалке не ходи.

– Я рад. Поздравляю, любимая. – Он целует меня в щёку и игнорирует моё предложение. Взяв чистые вещи, идёт в душ.

Свекрови сегодня нет, слава богу, уехала к родственникам, и мы с Димой предоставлены друг другу в этот короткий промежуток времени. И пользуясь тем, что мы одни, я позволяю себе идти за Димой и настаивать, чтобы он мне ответил. Я, если честно, после последнего разговора с Валентиной Игоревной, твёрдо намерена съехать от неё.

– Дим, ты не ответил на мой вопрос.

Он заходит в ванную и снимает грязные вещи, оставаясь в одних боксёрах.

– Я зарабатываю достаточно, чтобы не брать твои деньги. И мы с тобой договорились, что твои деньги – это твои деньги, а мои деньги – это общие, наши с тобой деньги. Поэтому не понимаю, зачем ты вообще про деньги заговорила. Я разве отказывал тебе в деньгах или не мог обеспечить нашу семью?

Я немного теряюсь от тона мужа. Кажется, я его задела.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Я вовсе не это имела в виду, когда говорила о своей зарплате, точнее, я просто хотела поговорить с тобой о нашем переезде.

Дима устало выдыхает, смотрит ещё некоторое время на меня, а после тянет руку, подзывая к себе. И я не заставляю его ждать.

– Давай примем душ вместе, а разговор о переезде отложим на потом, хорошо?

Я не настаиваю, видя, что Дима не готов обсудить данный вопрос. Мы принимаем душ в кои-то веки вместе. А после купанья муж медленно переходит в ласки и поцелуи. Становится так хорошо от ощущения свободы. Мы можем не сдерживаться, это такая редкость на самом деле.

Дима тоже расслабляется, и мы забываемся друг в друге. Я стону его имя, а он тяжело дышит мне в ухо, сжимая мою грудь. Толчки становятся грубее, и мы одновременно приходим к финишу. Чуть отдышавшись, я резко открываю глаза, потому что до меня доходит, что мы не предохранялись. Поворачиваюсь к Диме лицом и невольно опускаю взгляд вниз, смотрю, как по внутренней стороне бедра стекает вязкая жидкость. Видимо, Дима смотрит туда же, куда и я. И судя по его реакции, он тоже понимает, что у нас могут быть проблемы.

– Чёрт! Прости, не сдержался.

Он помогает мне помыться, а после вытирает и одевает на меня свою футболку. Сам же возвращается в комнату и спешно одевается.

– Что ты делаешь?

– Я сгоняю в аптеку. – Отвечает с каким-то отстранённым видом.

– Зачем? – спрашиваю немного растерянная, хотя уже догадки появились.

– Поль, давай только без этих выяснений и обид. Мы с тобой уже один раз поговорили и решили, что отныне будем предохраняться, сегодня я забылся и накосячил. Поэтому я сейчас куплю средства быстрой контрацепции, и ты примешь таблетки, чтобы избежать ненужной беременности.

– Ненужной? – шепчу.

– Только не переворачивай мои слова, ты прекрасно понимаешь, о чём я. Это необходимая мера.

От нашего разговора меня бросает то в жар, то в холод. Ну как же так? Теперь всегда будет так больно? Сначала удовольствие от близости, а потом пустая боль в груди. Сколько я так протяну? А сколько он протянет? Мысли о том, чтобы остановить эти мучения, снова приходят в голову.

Я успеваю высушить волосы и переодеться, пока Димы нет. Смотрю на себя в зеркале и вижу не себя. Точнее я, но больше не похожа на себя, ту жизнерадостную девочку. Постоянно какие-то нервытрепки из-за свекрови, а после из-за первого выкидыша, потом после второго. И теперь ко всему этому пришло чувство неполноценности, которое сжирает всю меня изнутри. Понимаю, что свекровь права, рано или поздно Дима скажет, что так больше не может быть, если не сейчас, то лет через десять или пятнадцать, неважно, когда именно. Я почему-то в это начинаю верить. Зачем я тогда продолжаю тянуть. Ведь расставание неизбежно. Но и уйти просто так не могу, я люблю его. Самой чистой и невинной любовью люблю. Люблю так, что больше не представляю как жить без него, но есть это чёртово "но", и оно мне не даёт покоя. Я ночами почти не сплю. Мысли мучают.

Глава 11.

Слышу, как сначала входная дверь открывается, а потом закрывается. Это Дима вернулся. Я быстро отмахиваю мысли прочь и максимально стараюсь сделать вид, что всё у нас хорошо.

– Вот, мне в аптеке сказали, что эти таблетки самые лучшие. Прими их, пожалуйста.

Муж протягивает мне коробочку с таблетками и смотрит на меня с виноватым лицом, но забрать слова не собирается.

– Хорошо, – надеваю фальшивую улыбку и ухожу на кухню.

Выдавливая одну таблетку и долго стою, гипнотизируя её. Не могу выпить, и, главное, не хочу. А вдруг врач ошиблась, вдруг у нас получится на третий раз.

– Всё хорошо? – голос Димы, который ещё не успел зайти, испугал меня, и таблетка выпала из руки и покатилась вниз под холодильник.

– Эм... Да, всё нормально. Я... я уже выпила. Можешь не переживать, – выдавливаю из себя улыбку и, поставив стакан на стол, выхожу из кухни и иду в нашу комнату. Ложусь спать. Дима всё это время следит за мной и ничего не говорит.

– Ты не мог бы выключить свет? Я уже хочу спать.

Он выполняет мою просьбу, но вместо того, чтобы раздеться и лечь рядом, Дима садится на кровать с моей стороны и, заправляя мои волосы, начинает говорить.

– Я бы хотел иметь детей, как и ты. Тем более от тебя. Но если это невозможно, то я не имею права рисковать твоей жизнью. Возможно, мои следующие слова прозвучат ужасно эгоистично, но я всё равно скажу. Если выбирать между тобой и детьми, я выбираю тебя. Прости, если разочаровал тебя, но это чистая правда. Ты мне нужна больше кого-либо. И если мне не суждено иметь детей от тебя, то пусть так. Но тогда они мне не нужны от другой женщины, потому что я люблю тебя. И если я тебя сегодня обидел тем, что заставил принять таблетки, то мне очень жаль, прости, малыш. Но я это сделал, чтобы мы больше не проходили тот ужас, через который уже прошли два раза. Я больше не хочу умирать, видя тебя замученной и опустошенной, как в прошлые разы. Я просто люблю тебя. Люблю, слышишь?

Я ничего не отвечаю, лишь киваю головой. Хорошо, что свет выключен, и он не видит моих слёз.

– Нам друг друга будет достаточно. Нашей любви будет достаточно, малыш.

Он целует меня в макушку и ложиться тоже спать. Понял, конечно, что мне стало обидно, а я наивно полагала, что хорошо замаскировала свои эмоции.

Я чувствую себя теперь перед ним виноватой. Он столько всего сказал, просил прощения, а я даже не выпила эту таблетку. Но я не уверена всё ещё правильно ли сделала, что не выпила таблетку.

Утром встаём, как обычно, и я решаю принять вчерашние таблетки, когда Дима уйдёт на работу, сильно нервничаю. Мы не говорим больше о вчерашнем. Просто обменялись парой фраз, как "доброе утро" и "я тебя люблю". Каждый в своих мыслях завтракает, а после Дима встаёт и одевается на выход.

– У нас же всё хорошо?

– Да... Да, всё хорошо.

Целую его в щёку и желаю удачного дня, хотела уже отвернуться, как он притягивает меня обратно и целует в губы, углубляя с каждой секундой.

– Вот теперь точно всё хорошо, – произносит он и уходит.

Оставшись одна, решаю уже закрыть эту тему и выпить таблетки. И вроде всё, настроилась, вытащила из пластины и даже выпиваю, но какое-то странное чувство мучает меня, не могу объяснить. Решаю отвлечься. Включаю телевизор, а там реклама с памперсами и таким

милым малышом. В груди тут же всё сжимается, я чуть не плачу, пытаюсь переключить, но не сразу получается, и я решаю, что лучше просто выключить. А когда нажимаю красную кнопку "выключить" голос с экрана телевизора добивает меня, потому что в этот момент малыш говорит «МА-МА» и так сладко ещё улыбается, что мне становится не по себе. Расцениваю это как знак и бегом несусь в туалет, вызываю рвоту, и таблетка вместе с моим завтраком выходит наружу.

– Я не могу. Нет, я не смогу такое сделать. – Шепчу сама себе под нос и потом умываюсь. Только выхожу из ванной и вижу, как дверь открывается, и заходит моя свекровь.

– Я не поняла, ты что дома делаешь? Почему не на работе? И вообще, что это у тебя за умирающий вид?

– И вам доброе утро, Валентина Игоревна. У меня сегодня выходной.

Прохожу мимо и иду в нашу комнату. Думая над тем, что только что произошло, я забываю о том, что оставила на столе коробку с таблетками. Только хотела пойти и забрать, когда в комнату влетает свекровь.

– Я не поняла, что это такое? Ты, я надеюсь, их приняла, а не выбросила. Помнишь ведь, что тебе нельзя беременеть? – Валентина Игоревна чуть ли не кричит на меня, отчего мне становится ещё больше не по себе. И я понимаю, что это всё.

Я больше не хочу её видеть, не хочу терпеть её грубость и не хочу убивать своё время, выслушивая и впитывая весь негатив, который она несёт.

– Отдайте! Это не ваше дело, что я пью или нет. Хватит! Вы не имеете права так со мной разговаривать! Я терпела долго, я терпела много, но всему есть предел.

Выхватываю из её рук блистерную упаковку и впервые позволяю себе дерзость выпроводить её из комнаты, наступая на неё решительно. Она, конечно, в шоке. Ведь впервые я позволила себе такое отношение к ней. Но я ни о чём не жалею, даже если из-за этого мы поссоримся с Димой.

Не знаю, почему меня так прорвало сейчас, может быть меня добило это слово «МА-МА» ,сказанное малышом с экрана телевизора? Или усталостью жить не своей жизнью, пусть даже с любимым человеком. Видимо, я дошла до предела, до точки невозврата всё же. И если муж меня не поддержит и не поймёт, то у нас будут большие проблемы, ведь я больше не сделаю шаг назад. Только не в этом вопросе.

Собираю свои вещи на первое время и вызываю такси. Выхожу с дорожной сумкой в прихожую и начинаю быстро обуваться.

– Надеюсь, в этот раз ты сбегаешь насовсем!

– Рано радуется, Валентина Игоревна! Рано!

– Ну, это мы ещё посмотрим!

– Посмотрим, обязательно посмотрим.

Называю таксисту адрес родителей, и тут же пишу Диме.

«Прости меня, пожалуйста, но я возвращаюсь домой. Мне нужно побыть одной, нужно время, чтобы подумать».

Глава 12.

Сообщение не доходит почему-то. Решаю, что необходимо подождать немного и просто убираю телефон в сумку.

Родителям рассказала всё, как есть, они расстроились, но сказали, что примут любое моё решение и всегда будут рядом. А я готовилась морально к разговору с Димой. Днём проверяю телефон и вижу, что моё сообщение доставлено и прочитано. Но ответ он так и не написал. Раньше Дима реагировал на всякие такие моменты быстро, а сегодня тишина. Это настораживает и в груди сразу холодом обдаёт. А вдруг я неправильно сделала, что вот так ушла. Начиная себя изводить. Сама тоже больше ничего не пишу. Но до самого вечера сижу на иголках. А потом слышу долгожданный звонок в дверь и тут же подрываюсь и несусь на выход. Перед тем как открыть, смотрю в глазок, удостоверившись, что это Дима, стараюсь успокоить дыхание.

– Привет! – Первым здоровается он.

– Привет, – отвечаю взволнованно.

Стоим некоторое время так. Просто молча смотрим друг на друга, а после я первая отвожу глаза и отступаю, пропуская его в квартиру.

Короткое приветствие с родителями, и мы переходим в мою комнату.

Оставшись наедине с мужем, теряю всю уверенность, что была у меня ещё этим утром.

– Что всё это значит?

Дима достаёт свой телефон и показывает моё сообщение.

Я медленно киваю и облокачиваюсь о стену, заведя руки за спину. Стараюсь не смотреть на него. Слишком тяжело вынести его спокойное состояние, будто его достало уже всё, и он готов принять абсолютно всё, чтобы я сейчас ни сказала.

– Когда ты ушёл, вернулась твоя мама и снова начала меня обижать. Я больше не хочу и не могу терпеть нападки с её стороны. Я хочу, чтобы мы жили отдельно.

– Это единственная причина твоего побега?

– Я не убежала! – тут же возмущаюсь.

– А как это по-другому назвать? – спокойным голосом отвечает.

Что-то не так. Что-то не так с ним, с нами...

– Я хочу честный ответ на свой вопрос. Моя мать – это единственная причина, из-за которой ты ушла?

Его отстраненный голос разбивает моё сердце. Раньше он никогда не разговаривал со мной таким образом. Внезапно адреналин начинает захлёстывать моё тело, словно нарушается естественный ритм моего кровообращения. Я нервничаю сильнее и сильнее, так что дышать становится сложно. Моя грудь от волнения начинает подниматься и опускаться в ускоренном темпе под его внимательным взглядом. И он видит, что я разнервничалась, но в этот раз не старается утешить меня. И я впервые озвучиваю свой страх.

– Нет. Не единственная причина. Я часто думала об этом в последнее время... – голос дрожит, как и всё моё естество внутри, но я продолжаю говорить. – Возможно, твоя мама права, и нам стоит расстаться...

Не могу дальше продолжать говорить, всё внутри разрывается. Я сама сейчас всё разрушаю. Дима смотрит на меня так разочарованно, что я начинаю чувствовать себя дрянью. Потому что я делаю больно ему тоже.

Дима берёт в руки мою голову и наклоняется. Наши лбы соприкасаются, он закрывает глаза. Повторяю за ним и понимаю, что сейчас решается наша судьба, и я уже не знаю, правильно ли поступаю.

Муж выдыхает тяжело и прерывает молчание.

– Я сделал всё что мог, сказал всё что мог, чтобы сохранить нас... Ты же понимаешь, что назад пути не будет. Я тебя не прощу никогда, если ты сейчас откажешься от меня.

Дима отстраняется, и я всхлипываю. Он пока ещё здесь, но ощущение пустоты уже пришло.

– Я тебя люблю, очень сильно люблю, но я не могу отделаться от мыслей, что мы не справимся...

– Малыш, не разочаровывай меня.

– Будет лучше, если мы остановимся сейчас. У тебя ещё может быть лапочка-дочка, как ты мечтал. Я не хочу быть эгоисткой, которая лишит тебя отцовства. Ты заслуживаешь лучшего...

Резкий удар в стену напротив моей головы приводит меня в шок. Смотрю на мужа, а у него рука вся в крови.

– Не тебе решать, что лучше для меня, а что нет! Я сказал тебе уже один раз и повторю, но только в последний раз. Я. Готов. Отказаться. От. Детей! Если ты будешь со мной рядом. А ты, Поля? Ты готова отказаться?

Глава 13.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

ДИМА.

Проблема с клиникой вышла из-под контроля. Вот не зря я не хотел прибегать к их услугам и вообще делать такого рода процедуру, чтобы Вика смогла забеременеть.

Когда узнал, что с ней тоже у нас несовместимость, испытал облегчение и в тоже время расстроился. Я всё же был не до конца уверен в принятом решении.

Меня чуть не разорвала новость, что моим ребёнком беременна абсолютно неизвестная женщина. В голове сразу хаос и паника. Чуть не задохнулся от этой новости.

Кто она? Может быть женщина в возрасте, а что, многие делают ЭКО под пятьдесят, были ведь такие случаи?! Прости, Господи, а что если это какая-то сука, которая раздвигала ноги за деньги? Не дай Бог, если это будет какая-то проститутка! Да и какая теперь разница?! Она ведь сделала уже аборт, Вика не стала бы врать о таком. Убью всех причастных к аборту. И эту шарашкину контору разнесу к чертям. Всё же это был мой ребёнок тоже.

Не хватало мне всех этих проблем, так ещё там наверху решили меня просто добить.

Полина.

Она снова появилась в моей жизни. Спустя столько мучительных лет, именно тогда, когда я уже и не надеялся её увидеть.

Бывшая жена стала такой женственной, её желанная фигура стала ещё более аппетитной. Там на остановке глазам своим не поверил, даже остановился и через тонированное стекло пялился на неё, пока Вика не стала задавать вопросы. Благо она была рядом, я реально хотел выйти и, наплевав на всё, обнять её.

Чёрт, как же я скучал по ней!

А потом и вовсе сердце чуть не остановилось, когда узнал, что она будет моей помощницей. И это всё на фоне моей скорой свадьбы. Что вообще происходит, чёрт возьми?!

Я обязательно разберусь, конечно, но сейчас главное найти женщину, которая убила моего ребёнка. Я жажду мести. Заставлю эту тварь задохнуться в собственных рыданиях. И сегодня вечером, точнее через какие-то считанные минуты, я точно буду знать, кто она такая. По крайней мере Тоха обещал. А если он обещал, значит, сдержит своё слово. Хорошо иметь в друзьях прокурора города.

– Антон, я подъезжаю. Не начинайте без меня.

– Давай быстрее, парни уже готовы сорваться.

– Ещё пять минут, и я буду на месте.

– Ок, отключаюсь тогда.

Заезжаю во двор, где красуется многоэтажная современная клиника. Выскакиваю из машины и пересаживаюсь к Антону.

– Здорово, – пожимаю ему руку.

– Ну что, готов, Соколов?

– Спрашиваешь ещё?!

– Ну тогда идём, маски-шоу начинается! – последние слова он произносит, дав сигнал своим людям.

И тут резко со всех сторон появляются люди в чёрном и окружают клинику. Парни врываются, и сразу слышен крик персонала.

Заходим в кабинет главного врача, он дико перепуган, кажется вот-вот и в обморок грохнется.

– Вы! – видит меня, вошедшего следом за Тохой, и сразу догадывается в чём дело.

– Я, Ян Владимирович!

– Рад познакомиться, знаете, кто я? – вклинивается Тоха.

Лысый хрен кивает головой, как болванчик.

– Прокурор Бессонов Антон Юрьевич.

– Вот и славненько. Значит, смотрите, уважаемый главный врач, времени возиться у нас с Вами нет. Поэтому, предлагаю два варианта развития событий. Первое – Вы быстро сообщаете уважаемому Дмитрию Сергеевичу данные пациентки, которая была беременна от моего дорогого друга, и мы спокойно уходим. Второе – Вы отказываетесь, и мы сами берём все необходимые данные и плюс ещё начинаем полную проверку документации Вашей клиники. Уверен, что мы найдём много чего интересного ещё. Скажите, что Вы выбираете, судиться только с Дмитрием Сергеевичем или ещё с десятков такими же, как он? Уверен, репутация Вашей клиники будет подмочена безвозвратно.

Я молчу, пока Тоха прижимает его. Пальцы в кулак собираю, стараюсь сохранять спокойствие, взгляд прицельный посылаю. Понимает гад, что приплыл.

Он медленно приседает в своё кресло, чуть ослабевает галстук и наливает себе воду. Так и хотелось вырвать стакан из его рук и разбить об его голову.

– Не тяните, Ян Владимирович. Мы с Вами прекрасно знаем, что Вы выберете. Советую не злить меня ещё больше.

Этот лысый хрен кивает головой и соглашается.

– Хорошо, хорошо. Я выбираю первый вариант.

– Так то лучше! – Тоха ладонью хлопает поверхность стола и встаёт.

– Я поехал, у меня совещание скоро, думаю, дальше сам справишься, но если что, звони. Ребята уйдут, когда ты дашь добро.

– Спасибо, я потом тебя наберу.

Тоха уходит, и я поворачиваюсь к этому лысому, прости Господи, врачу.

– Я Вас очень внимательно слушаю.

– Вряд ли Вам понравится правда.

– Без тебя разберусь, я жду.

Он достаёт ключи из кармана и идёт к своему сейфу. Достаёт оттуда папку, кладёт передо мной и тут же берёт ещё один стакан и наливает туда воду. Пододвигает мне, хмурюсь и, игнорируя воду, открываю папку, а там фотография Полины.

– Я не понял... – Смотрю на этого гада и жду объяснений, но доктор мать его молчит, лишь глаза виновато бегают.

– Я не понял! Что тут происходит? Это фотография моей бывшей жены, Вы ничего не попутали, доктор?! – цежу сквозь зубы. Ещё чуть-чуть и я врежу ему.

– Ваш биоматериал был использован при оплодотворении пациентки Кузнецовой случайным образом, то, что она ваша бывшая жена, я узнал только сегодня.

В голове происходит взрыв. Я почти ничего больше не слышу. В ушах звенит. Я, чёрт его дери, не верю и просто мотаю головой. Закрываю глаза и тру их, сильно надеясь, что это неправда. Она не могла убить невинное дитя. Она не такая. Открыв глаза, хватаюсь за стакан с водой и осушаю его за несколько секунд.

– Вы уверены в том, что сейчас говорите?

– Ошибки быть не может.

Такого удара от судьбы я не ожидал. Сколько раз она меня будет испытывать ещё? Да и зачем, мы с Полиной, и так расстались, зачем всё это надо было?!

– Аборт ей тоже Вы делали? – рычу на лысого, готовый при положительном ответе напасть на него. И похер, что потом будут проблемы.

Гад нервно сцепляет пальцы и стучит по столу.

– Видите ли, дело в том, что аборта не было.

– Чегооо?

– Госпожа Кузнецова до сих пор беременна, и она тоже только сегодня узнала, что отцом ребёнка являетесь Вы. Но вот только...

Второй взрыв в голове, слишком много информации. Я не выдерживаю, ярость накрывает меня, и я всё же срываюсь, хватаю за грудки этого ублюдка и прижимаю к стене, готовый размазать его физиономию.

– Только что?!

– Она, кажется, собиралась бежать...

Глава 14.

– Далеко собралась?

– Ты?

Дорожная сумка падает на пол, когда на пороге моей квартиры, из которой я прямо сейчас собиралась сбежать, встречаю бывшего мужа.

Он знает. Сразу понимаю это по его ходящим желвакам и плотно сжатой челюсти.

Дима смотрит на мою упавшую сумку, а после медленно поднимает. Кивает и жестом показывает, чтобы зашла обратно.

– Поговорим? – слишком спокойный голос настораживает. Я же вижу по его потемневшим глазам, что он на грани. Но всё же остаётся маленькая надежда на то, что всё-таки я могла ошибаться. Инстинкт самосохранения срабатывает быстрее, чем надо.

– Ты прости, но я спешу. – Пытаюсь забрать сумку, но он хватает меня под локоть и аккуратно подталкивает, возвращает внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.